

ПЕСНЯНИЗАМИ

«Благословенье стране Берда'а».

Из «Искендер-намэ».

Небо над урочищем Шортепе, что в близких окрестностях города Барды, мне показалось голубым алмазом, искусственно вправленным в корону далеких белесых гор, а летнее солнце на краю расползшейся до самой Куры степью — огненным водопадом, ниспадающим с хрустальных заоблачных высот. И какая-то особенная мудрость таилась в этом сочетании южного неба, жаркого солнца и засеянной хлопчатником степи. Мудрость, которая заставляла от волнения, что ли, сжиматься сердце, обволакивала странными, но вместе с тем поразительно ясными чувствами, которые до сих я не испытывал. Быть может, оттого, что в это урочище со следами древнего городища, по мнению некоторых ученых-археологов, — поселения Барды античного периода, меня привела люющая над древней землей песня! Звонкий и чистый, как родник, голос, вот уже восемь веков звучащий на всех дорогах, ведущих на север и юг, запад и восток. Одна из многих песен Низами:

Харумом страну называли
отцы.
Берда'а ее ныне зовут
мудрецы.
В блаженной и женственной
этой стране
Таились богатства, как
жемчуг, — на дне.
Кто знал цветники веселее,
чем здесь,
Кто знал казначея щедрее,
чем здесь.

Поэт говорит про былые дела:

«Владелицей этих
сокровищ была
Мудрейшая женщина
Нушабэ...».

Я слушал эту песню, а мысли незаметно все дальше и дальше уводили меня в давно минувшие столетия, во времена, когда земля эта и люди, живущие на ней, не знали счета кровавым сечам.

Вдруг я почувствовал, как отодвинулись куда-то, словно померкли в нахлынувшем тумане, увитые виноградниками многоэтажные здания Барды, в зелени деревьев улицы Низами, Вагифа, Нушабэ, площади, гранатовые сады, а воображение начало постепенно рисовать одну красочнее другой картины из «Искендер-намэ»: костры, озарившие речную долину, «высокие, как горы, шатры» полководцев, девушки-красавицы, под пленительную музыку танцующие «в роскошном, будто из драгоценных камней», царском чертоге Нушабэ.

Повел Искендер боевые войска...

Он шел среди гор и ущелий и вдруг
Увидел водой орошаемый
луг.

Немедля вблизи он палатку
разбил,
И радостен отдых воителя
был...

— пел все тот же далекий,
как эхо, голос, и я уже отчетливо слышал, как дрожит земля от топота взмыленных вороных коней под седлами амазонок, с великим триумфом возвращающихся через Каспийскую теснину, слышал

нежную, сладкую музыку саза на веселом пиру у Нушабэ в честь Искендера — Второго повелителя мира. И мне казалось, что эта ликующая песня — легенда Низами, впитавшая в себя поэтические образы давно ушедших времен, — моя собственная, вдохновенная песня.

На вершину холма Шортепе, где во время археологических раскопок были обнаружены богатая коллекция греческих, римских монет и керамики, относящихся к III — I векам до нашей эры, чаши для вина, сосуды для воды, различные украшения, предметы быта, я поднимался тропой низаминской поэмы. Поднимался, осторожно перебирая четки легенд, а за мной над древней землей катилось медленное солнце. Внизу у широкого и, верно, некогда глубокого рва, окружавшего в давние времена поселения за крепостными стенами, эхо от шагов убежало вперед, но тут же возвращалось, чтобы преградить мне дорогу то звоном короткого эллинского меча, то свистом тетивы в руках охотящегося на туров Искендера, то веселым смехом по-восточному луноликих девушек...

А взобравшись выше по скату холма, я сквозь розоватую дымку закатного солнца увидел хрустальный блеск далекой реки, которая, казалось, словно нить, тянулась из глубины веков, увидел древнюю дорогу, по которой некогда в Берда'а и дальше — на север, к русам и варягам, отправлялись многочисленные купеческие караваны, неся с собой соло-

новатые бризы теплых морей и терпкие запахи знойных пустынь.

Легенды, легенды... Порой даже самые мудрые, земные из них способны удивить, взбудоражить человека. В самом деле, где это он, Низами, который всего лишь однажды за всю свою жизнь по приказу атабека Кызыл Арслана совершил путешествие к царскому трону, нахлывшемуся «в тридцати днях пути от Гянджи», мог знать о разрисованных фресками дворца полулегендарного Хаварнака, что «замок Сарир» — это страна у Дербентского прохода — Дагестан, в горах которого навсегда загадочно исчез Кей-Хосров — царь Кир?

Когда это он вместе со скорбным Междунуном успел побывать в безводных, лютых от зноя песках Месопотамии, и с кого это он так точно, словно искусный живописец, срисовал яркие, красочные портреты хорезмских, славянских, греческих и мавританских красавиц?

А кто поверит, что Низами не доводилось бывать на берегах теплых индийских рек и в краях суровых белых зим — в обители мужественных, отважных русов? И где, наконец, в каких краях восемь столетий назад он открыл для себя и для нас загадочную, просвещенную и счастливую страну, страну без угнетателей и угнетенных, без феодалов и правителей, без голода, брлезней и войн? Что это? Фантазия? Тайна? Или еще одна земная легенда, принесенная и унесенная ветрами со снежных вершин

древнего Кафа — Кавказа? А может быть, все же это не дающая покоя ни днем, ни ночью неумная, вознесенная высоко над временем мечта поэта о светлом будущем родины своей, умение смотреть далеко вперед, в грядущее, прозорливое предвидение?

Что ж, если это так, то сокровенная мечта Низами сегодня стала былью на нашей земле. Вот уже шестьдесят с лишним лет мы живем в счастливой, просвещенной стране, в республике свободного созидательного труда — без угнетателей и угнетенных, тиранов-феодалов, без богатых и бедных. С каждым днем краше, богаче становится древняя Харум, Берда'а — с ее улицами и площадями, школами и библиотеками, кинотеатрами и многоэтажными новостройками.

Если и впрямь каким-то образом можно было остановить время так, чтобы пронесшиеся над землей столетия своим дыханием, хотя бы на мгновение, коснулись наших дней, мир, верно, услышал бы сегодня новые песни-поэмы Низами. Но не песни-легенды, рожденные мудростью, вымысла, а песни-были. Песни о новой, сегодняшней Барде, ее славных жителях — тружениках фабрик и строек, по силе и отваге способных соперничать с Фархадом и Бахрамом, девушках-механизаторах, таких, как лауреат премии Ленинского комсомола Тарлан Мусаева из колхоза «Коммунизм», звеневая Рафига Махмудова из

колхоза имени 26 бакинских комиссаров и десятки их подруг, уверенно прокладывающих дорогу «голубым кораблям» по бескрайним хлопковым морям родного района и по красоте, женственности и обаянию ничуть не уступающие Нушабэ и Ширин. Разве не амазонки наших дней? Это и их трудом с каждым днем краше и богаче становится легендарная Барда, наша орденосная республика.

«Всяк, кто живет, уходит...» — гласит восточная мудрость. Но это относится не только к нам, живущим. В волнах вечного прилива времени рушатся крепости и целые города, меняют свои русла бурные реки, мелеют моря и океаны. Но на земле всегда остаются следы. Следы деяний, память остается. Ибо только деяниями, добрыми делами должен жить на земле человек. Сегодня никто не вспоминает ни атабеков, ни ширваншахов, жестокых, коварных дворцовых вельмож. Словно их никогда и не было. А вот имя Низами, пережив восемь столетий, обрело бессмертие, бессмертие человека, саявшего на земле добро. Низами всегда с нами, в наших делах, больших и малых заботах. Не об этом ли восемь столетий назад мечтал сам поэт:

Если через столетье
спросишь: где же он,
Каждая строка поэта
хлынется,
как эхо: он здесь!

Ф. ЗАКИЕВ.

БАРДА.

11 ИЮНЬ 1981

Молодежь Азербайджана
г. Баку